

Серия «Современное богословие»

В серию входят книги
по современному богословию
(основное, литургическое,
нравственное богословие
и другие его разделы), принадлежащие
перу выдающихся современных
авторов основных христианских
конфессий

KARL BARTH

DIE KIRCHLICHE DOGMATIK

Theologischer Verlag Zürich

СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ

Карл Барт

Церковная догматика

Том III

БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ
СВ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ

М О С К В А

ББК 86.376
УДК 230.111 / 227.12
Б 262

Перевод:

Антон Тихомиров, Максим Барановский, Ольга Хмелевская

Редактор: Кирилл Войцель

Верстка: Светлана Опарина

Обложка: Антон Бизяев

schweizer kulturstiftung
prohelvetia

Книга издана при поддержке
Швейцарского культурного фонда
Pro Helvetia

Данный перевод немецкого издания книги Карла Барта
Die Kirchliche Dogmatik публикуется с согласия издательства
Theologischer Verlag Zürich

This translation of *Die Kirchliche Dogmatik* by Karl Barth originally
published in German in 1932, 1938, 1940, 1942, 1945 is published
by arrangement with *Theologischer Verlag Zürich*

Барт К.

Церковная догматика. Том III/Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»). — М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2014. — xliv + 695 с.

ISBN 978-5-89647-278-0

В третий том включены три параграфа из обширной «Церковной догматики» Карла Барта. Первые два (§§ 65 и 70/1) посвящены учению о грехе. Барт рассматривает грех как движение человека в направлении, противоположном движению милости Божьей. Если Бог смиряется в воплощении и смерти Сына, разделяя с человеком его судьбу и даруя ему жизнь вечную, то человек в своем грехе высокомерно превозносится, отвергая человечность Бога и пребывая вдали от Него в косности и во лжи. Последний раздел этого тома (§ 72) — экклезиологический — посвящен свидетельству общины, ее миссии в мире и для мира. Церковь, по Барту, перестает быть церковью, если она живет только ради себя. Своим бытием она призвана свидетельствовать о чуде бытия смиренного Бога, о величии человека и об истине встречи Бога и человека в Иисусе Христе.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети Интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

- © German original version Theologischer Verlag Zürich
Оригинальный немецкий текст Theologischer Verlag Zürich
- © Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2014
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316, Россия
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к третьему тому русского издания vii

ИИСУС ХРИСТОС – ГОСПОДЬ-СЛУГА (часть II)

КОСНОСТЬ И УБОГОСТЬ ЧЕЛОВЕКА 3

1. Греховный человек в свете владычества
Сына Человеческого. 3
2. Косность человека. 41
3. Убогость человека 169

ИИСУС ХРИСТОС – СВИДЕТЕЛЬ ИСТИННЫЙ (часть II)

ЛОЖЬ И ПРОКЛЯТЬЕ ЧЕЛОВЕКА 199

Свидетель истинный. 199

ИИСУС ХРИСТОС – СВИДЕТЕЛЬ ИСТИННЫЙ (часть III)

СВЯТОЙ ДУХ И МИССИЯ
ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩИНЫ 313

1. Народ Божий в мире. 313
2. Община, существующая ради мира. 449
3. Задание общины 507
4. Служение общины. 564

Указатель древних источников 683

Именной указатель 688

Предметный указатель 689

Предисловие к третьему тому русского издания

В январе 1952 г. Карл Барт работал над учением о примирении, трехтысячестраничным текстом из его «Церковной догматики», который вышел в трех монументальных томах и из которого взяты все избранные тексты, вошедшие в этот третий том русского издания Барта. Именно тогда он с удивлением узнал, что «Его величество король Англии милостиво наградил меня Королевской медалью за заслуги в борьбе за дело свободы¹». Почему профессор богословия Базельского университета удостоился такой чести? Как он служил делу свободы?

В период холодной войны Барт много говорил о необходимости третьего пути, отличного от тех, которыми идут Восток и Запад. Он решительно выступал против ремилитаризации Германии и был непримиримым противником холодной войны. В дополнение к этому, он еще более решительно боролся с проявлениями антикоммунизма. Поэтому подозревать его в том, что он симпатизирует коммунистам, стали не только в Швейцарии, где он получил прозвище «красный богослов», но и в Соединенных Штатах. Из достоверного источника ему стало известно, что летом 1950 г. он попал в поле зрения американских спецслужб за то, что у него было слишком много друзей на Востоке. Барт вынужден был прояснить свою позицию и ответить на обвинения в благожелательном отношении к коммунизму. «Я не питаю симпатий к восточному коммунизму, учитывая то, каким он явил свое лицо миру. Я нисколько не желал бы жить под его властью и никому этого не желаю. Но думаю, что ни политика, ни христианство не требуют и даже не оставляют места для заключений, к которым пришел и в которых все более утверждается Запад... Я убежден, что анти-

---

¹ Письмо к британскому послу, цитируемое в работе Eberhard Busch, *Karl Barth: His Life from Letters and Autobiographical Texts*, translated by John Bowden, Philadelphia: Fortress Press, 1976, p. 385. Далее этот текст будет упоминаться как Busch: 1976.

коммунизм есть большее зло, чем сам коммунизм. Неужели мы забыли, что принципиальным антикоммунизмом может быть только “Гитлер в нас”?»²

Критики и враги Барта скорее всего не сознавали, в какой огромной мере его политическая позиция определялась его богословием церкви и пониманием ее задачи и миссии в мире. Возможно, напрасно было бы искать четко выраженное политическое богословие в Бартовой «Церковной догматике», однако сам Барт считал, что его богословие имеет огромное значение для политической и общественной жизни. Барт не уставал напоминать о том, что, если мы верны христианской вести, то не можем оставлять политические вопросы в стороне³. Посвятив значительную часть третьего тома русского издания текстов из «Церковной догматики» Барта его богословию церкви, издатели внесли неоценимый вклад в понимание этого протестантского богослова, которого сам папа Пий XII назвал величайшим богословом от XIII столетия и до наших дней.

Проясняя свое отношение к коммунизму, Барт утверждал: «Думаю... христианским церквам следовало бы считать своей

---

² Busch: 1976, pp. 382–383.

³ Хансингер убежден, что социалистическим взглядам раннего Барта было суждено стать в высшей степени важными для развития мысли Барта и окончательного оформления его богословия. Хансингер пишет: «Богословское творчество Барта невозможно в полной мере оценить вне связи с его преданностью социалистическим идеям... (Однако) Барт никогда не рассматривал социализм как “идеологию” или систему идей. Для него социализм сводился к ряду конкретных целей, весьма близких тем, что связаны с Царством Божьим. Поэтому, строго говоря, Барт прежде всего усматривал связь не между богословием и социализмом, а между Евангелием и социализмом, а точнее, между свободой и любовью Бога живого и социализмом... Социализм представлялся явлением положительным для богословия в той мере, в какой эти социалистические цели согласовались с замыслами Бога о мире». George Hunsinger, *Karl Barth and Radical Politics*, Philadelphia: The Westminster Press, 1976, pp. 7–8. Этот сборник, в который вошло шесть статей, отредактированных и переведенных Хансингером, представляет собой важный вклад в изучение вопроса о связи богословия и политики в теологии Барта.

задачей — оказывать влияние как на общественное мнение, так и на своих руководителей, на которых возложена политическая ответственность исключительного по своему значению свидетельства о мире и надежде Царства Божьего. Церкви нанесли ущерб делу Евангелия тем, что практически бездумно отождествляли Евангелие... с идеологией Запада, не имеющей прочного основания и четких целей... По человеческому рассуждению, дело Евангелия еще долго не сможет оправиться от нанесенного ему ущерба, и в этом ему не помогут даже наилучшие экуменические и миссионерские усилия»⁴. Барт оправдывал свое неприятие антикоммунизма, поскольку *Anti* значит *против*. Бог не против, а *за* людей. Коммунисты также люди. Бог также *за* коммунистов. Поэтому христианин не может быть *против* коммунистов, он может быть только *за* них. Быть *за* коммунистов не означает быть *за* коммунизм. Я не *за* коммунизм. Но если вы *за* коммунистов, то можете говорить то, что необходимо говорить *против* коммунизма»⁵.

Читая Барта, христиане могут узнать, что все земные предприятия и акции, политические или религиозные, должны оцениваться по тому, содействуют ли они делу Евангелия Иисуса Христа среди народов. Христианская весть о том, что во Христе Бог примирил с собою мир, должна руководить христианской мыслью и действием, если христианская община стремится честно совершать свою миссию, свидетельствуя народам.

В этом томе более двухсот страниц текста Барта, взятых из параграфа 72 «Церковной догматики», посвящено теме христианской общины в ее связи с тем, что принято называть светской историей. Барт продолжает рассуждать над этим вопросом как богослов, стремясь понять подлинный характер призвания и миссии христианской общины в мире и в самой этой общине. Вдумчивый читатель сможет различить в рассуждениях Барта о народе Божьем в мировом процессе глубоко августиновское понимание смысла и назначения истории.

---

⁴ Ibid., p. 383.

⁵ Ibid., p. 383.

В равной мере любопытны Бартова трактовка церкви как общины, обращенной к миру, и истолкование сущности ее задачи и служения. Барт помогает читателю в новом свете и критически рассмотреть вопрос смысла и цели существования христианской общины. Он отмечает, что на этот вопрос не было дано удовлетворительного ответа ни в святоотеческом, ни в схоластическом, ни в реформационном, ни в постреформационном учениях о церкви. Складывается такое впечатление, что для всех этих традиций церковь «существует как сообщество святых и учреждение освящения» как самоцель (CD IV/3, 766; наст. изд. с. 457). Барт задается вопросом: что стало с основополагающим тезисом Нового Завета, звучащим в 2 Кор 5:19, о том, что Бог примирил с собою в Иисусе Христе мир (CD IV/3, 767; с. 458)? Барт настойчиво подчеркивает мысль, что эта община существует для мира. Христианская община — это общество, в котором люди могут познавать и действительно осуществлять свою солидарность с миром, быть должниками перед миром, а не править миром (поскольку это прерогатива Бога), и быть соработниками Бога в Его деле (CD IV/3, 769-777; с. 460-468). Признаком истинной церкви является стратегическое участие в жизни мира, а не изоляция от мира. «Когда она, пусть даже в священнейшей богобоязненности, трезвении и смиренномудрии, позволит себе хотя бы на краткое время сложить руки и усердно заботиться о самой себе, она тут же перестанет быть истинной церковью. Истинная церковь, конечно, может обращаться на самое себя, — но всегда тактически, никогда стратегически, потому что она никогда не должна себе позволять принципиально, целиком и полностью уклониться от своего делания в мире. Она существует не просто вперемежку с миром и никогда как частично посланная, а частично не посланная в мир, но всегда — в неизменной обращенности всех своих служений (или хотя бы на пути к такой обращенности) к тем, к кому она послана» (CD IV/3, 780; с. 480)⁶.

---

⁶ Вопрос о сущности и миссии церкви не следует рассматривать просто как одну из многих тем «Догматики» Барта. Церковь — главный предмет

Барт разъясняет, что задача церкви — существовать для мира и что содержание этой задачи заключается в том, чтобы исповедовать Иисуса Христа. «Нам следует различать в структуре этого человека подчиненный элемент его бытия от вышестоящего, статический — от динамического, присутствующий — от будущего: то, каков он сам в себе с точки зрения Евангелия под знаком злой силы своего невежества, от того, каков он, опять-таки с точки зрения Евангелия, в свете дела Бога и Слова, сказанного Им для устранения его невежества... такой невежественный и страждущий, черствый, лишенный любви человек во всех его исторических образах, во всех своих вывихах и причудах, посредством которых он пытается избежать страданий и страха, возлюблен Богом как Его создание, избран Им и Его Сыном... призван единойжды и навеки в ставшем плотью Слове — к Нему, жить с Ним, то есть призван в вечную жизнь» (CD IV/3, 809; с. 529-530).

Церковь верна своей задаче, только если обращается к каждому человеку как к тому, «кто будет своим, несмотря на то что ныне он чужой», как к тому, кто призван служить Богу и открыт душой для этого будущего. Церковь не справляется со своей задачей, если бы она «оттолкнула его — того, кого Бог заведомо не только не отталкивает, но кого Он направляет к будущему познанию себя, к своей свободе и к своей радости» (CD IV/3, 811; с. 533).

Указывая на то, в чем христианская община не справляется со своей задачей, Барт посвящает этому вопросу целых восемнадцать страниц, на которых вскрывает эти искажения Евангелия. Всегда есть опасность исказить Евангелие, превратив его в общую сверхвременную истину и сопоставлять

всей «Догматики». Поэтому неслучайно Барт озаглавил свой труд «Церковная догматика», а не «Систематическое богословие». Более подробно он говорит о сущности и характере церкви в параграфе 67 «Святой Дух и созидание христианской общины» CD IV/2. В этом параграфе «Церковной догматики», не включенном в данный том, читатель найдет рассуждения Барта о единстве, святости, кафоличности и апостоличности церкви.

его с конкурирующими теориями бытия в мире, принижая их. Существует также опасность искажения Евангелия, приукрашивая его, а затем приписывая ему философские и этические категории эпохи. Барт говорит об искажении Евангелия, когда свысока относятся к тем, к кому обращена евангельская весть, и его отрезвляющие слова внушают глубокую тревогу. Относиться свысока к слушателю означает видеть в общении с ним лишь возможность проявить снисхождение и выказать ученость. Таким образом, среди прочего, община не справляется со своей задачей и, по сути, предает своего Господа.

Рассматривая служение общины, Барт говорит, что есть «дело как ее уст, так и ее рук; как речь, так и поступки; как провозвестие, так и исцеление! Правда и то, что данное Иисусом своим ученикам поручение обнаруживает отчетливую последовательность, в которой речь предшествует поступкам» (CD IV/3, 863; с. 619). К речевым формам служения в общине Барт относит: (1) прославление Бога, (2) возвешение Евангелия в собрании, (3) обучение общины, (4) евангелизация непосредственного окружения общины, (5) миссия в нехристианские страны, (6) богословское служение (IV/3, 865-882). Формы служения, по сути относящиеся к действиям, это (7) молитва, (8) душепопечительство, (9) личный пример христианского жития, (10) оказание помощи бедным, принадлежащим и не принадлежащим к общине, посредством диаконии, (11) проороческое действие, совершаемое посредством пронизательного истолкования значения текущих событий, имеющих отношение как к общине, так и ко всему миру, в свете Слова Божьего, (12) содействие общению между народами, разными расовыми группами, культурами и классами (CD IV/3, 882-901; с. 622-682). Крещение и вечера Господня остаются главными и основополагающими действиями, приводящими к общению в общине.

В любопытном очерке о теме спасения в богословии Карла Барта Колин Гантон напоминает читателю о том, что Барт прежде всего богослов-систематик и что «все написанное им в одном месте непременно имеет отношение к другим богослов-

ским темам»⁷. Иначе говоря, слова Барта о спасении будут неверно истолкованы, если читатель не примет во внимание то, что он написал об откровении, Троице и учении об избрании. То же можно сказать практически о любом анализируемом Бартом учении — будь то учение о грехе или о церкви. Означает ли это, что в богословии Барта нет смыслового центра тяжести? Хотя это весьма спорный вопрос, Гантон утверждает, что Бартовой концепции богословия в целом присуще единство. И это фундаментальное единство связано с понятием действия Божьего. Именно понятие Божьего действия дает основание рассуждениям о Боге, рассуждениям о бытии Божьем и о пределах нашего знания Бога⁸.

Именно благодаря этому акцентированию идеи действия Божьего богословие Барта отличается такой конкретностью и такой ориентированностью на действительность. Если Барт вел борьбу против других богословских систем, то это была борьба с тем, что он называл абстрагированием. Богословское абстрагирование — это нежелание относиться со всей серьезностью к божественному действию, являющемуся основанием христианского богословия. По Барту, христианское богословие имеет прочное основание в Божьем деле, в тезисе о том, что Бог в Иисусе Христе вступает в отношения любви с миром ради великого дела примирения человека с Богом.

Интерес Барта к вопросу о действии Бога явственно прослеживается в его учении об избрании, в котором Бог во всех своих деяниях — от творения до искупления — предстает как Бог предвечного избрания⁹. Тот же интерес к идее божественно-

---

⁷ Colin Gunton, “Salvation”, in: *The Cambridge Companion to Karl Barth*, p. 143.

⁸ *Ibid.*, p. 143.

⁹ В противоположность Августину и Кальвину, которые придерживались точки зрения, что Божья благодать и спасительное действие направлены только к некоторым людям, избранным к спасению прежде сотворения мира, Барт довел до логического завершения библейский тезис о том, что избрание — «во Христе». Бог, о котором говорит Барт, есть как раз тот Бог, который в своем Сыне, или Слове, избирает Его, а в Нем и с

го действия просматривается и в том, как Барт придал новую форму дискуссии о христологии и сотериологии и как задал этим учениям иную направленность, избавив от абстрактных формулировок. Не деля учение о личности и деянии Христа, он указывает на то, что личность Христа и *есть* Его спасительное деяние. Подлинная и здравая христология будет одновременно и богословием спасительных деяний Бога.

В этом предисловии к третьему тому избранных текстов из «Церковной догматики» Барта, думаю, стоило бы для начала высказать некоторые краткие замечания относительно того, как Барт понимал Божье спасительное деяние, или спасение. Эти краткие рассуждения, надеюсь, прольют некоторый свет на его трактовку вошедших в данный том текстов о бедственном состоянии человека и о трагическом характере человеческого существования. Поскольку предметом большинства этих текстов является сущность греха, представляется целесообразным очень сжато рассмотреть то, что говорил Барт о спасении, и только после этого перейти к проблеме греха, особенно учитывая, что, по Барту, грех познается как таковой только в столкновении с Божьей спасительной милостью.

Здесь естественно возникает вопрос: что Барт подразумевает под спасением? В противоположность нравственной трактовке спасения как некой переориентации личности, вдохновленной примером нравственного совершенства Христа, трактовке, которая характерна для Абельяра и кантовской нравственной религии, учение Барта во многом отражает традицию отцов церкви, которые считали, что «в спасении верующий неким образом вовлекается в жизнь Троидного Бога,

---

Ним избирает свой народ (CD 2/2, p. 76). Спасение, как тонко подмечает Гантон в своем очерке, «означает свершение замысла об избрании, который зародился в самой предвечной сущности Бога» (Ibid., p. 145). На кресте «отвержение, заслуженное всеми людьми, гнев Божий, тяготеющий надо всеми людьми, смерть, предлагающую всем людям, Бог, по своей любви к людям, переносит от всей вечности на Того, в ком Он любит и избирает их, кого Он избирает Главой их и вместо них» (CD 2/2, p. 123).

хотя, безусловно, неверно говорить об обожении»¹⁰. По словам Барта, христианская весть, в ее центральном утверждении о Боге с нами, «гласит, что Бог сам занял наше место, что Он сам заключил с нами мир, что Он сам совершил спасение наше, т. е. обеспечил наше участие в своем бытии» (СД, IV/1, р. 15).

Все три части этого издания взяты из четвертого, последнего, тома «Церковной догматики», озаглавленного Бартом «Учение о примирении». Он приступил к этому труду, когда ему исполнилось шестьдесят пять лет. Он размышлял над композицией этой работы, и ее план пришел во сне. «Я должен начать с христологии и закончить еkkлезиологией, сопроводив изыскание соответствующей этикой. Я проснулся в два ночи, а затем, утром, поспешил записать то, что мне приснилось»¹¹. Труд, следовавший учению Кальвина о трояком служении Христа – пророка, священника и царя, увидел свет в трех огромных томах, почти в три тысячи страниц. «Каждый из трех этих аспектов был рассмотрен в категориях сначала христологии, затем сотериологии и, наконец, пневматологии»¹². Для того чтобы дать более широкое освещение трех служений Христа, Барт связал два первых служения с учением о двух состояниях Христа, унижении и возвышении, и двух природах Христа, истинно божественной и истинно человеческой. Рассуждая о пророческом служении, он заострил внимание на единстве двух состояний и двух природ.

Во второй том русского издания вошло знаменитое Бартово изложение учения об унижении Христа; этот раздел имеет заголовок «Покорность Сына Божьего». Здесь Барт показывает, что подлинная божественность Иисуса Христа, Бога истинного, открывается в Его послушании Богу Отцу. Христос не только становится братом человеку как предвечный Сын Божий – как Господь Он также становится рабом и

---

¹⁰ Ibid., р. 144.

¹¹ Письмо к Г. И. Иванду (J. H. Iwand) от 29 апреля 1951 г. Цит. по Busch: 1976, р. 377.

¹² Цит. по Busch: 1976, р. 377.

смиряет себя, так что Он, судья, соделывается подсудимым вместо нас¹³. Вот как Христос исполняет свое священническое служение. Более того, именно в уничижении Сына Божьего и посредством его открывается божество Христа. Излагая свою христологию, Барт решил не изъяснять личность Христа отдельно от того, что Он совершил ради нас. Иными словами, христология не должна рассматриваться отдельно от сотериологии. Этот том дает возможность русским ученым и студентам богословских учебных заведений ознакомиться с размышлениями Барта о Господстве Сына Человеческого: Барт рассматривает учение о возвеличении Сына Человеческого и то, как оно помогает понять человека в состоянии греховности. В рассуждениях Барта о грехе, изложенных в этом томе, можно заметить то же нежелание рассматривать учение абстрактно и в отрыве от его христологического подхода к богословию. Барт включает свое богословие греха непосредственно в учение о примирении и подчиняет ему учение о грехе. Грех истолковывается здесь не как преступление нравственного закона, а как антитеза божественной милости и как антитеза, которая не может быть познана без Божьей милости. Читателю станет ясно, что, истолковывая грех как косность, глупость и горе, Барт предлагает одну из наиболее оригинальных и пронизательных трактовок данного вопроса¹⁴. Фундаментальной посылкой, которой руководствуется Барт в истолковании сущности греха и которая обуславливает его отказ признать естественный закон мерилом добра, является его тезис: «Осмысление греха — там, где оно есть часть истинного познания, — происходит в процессе богопознания, познания откровения и, следовательно, познания веры, к которому он не в силах даже подготовиться. Человек имеет искаженное понятие о самом себе, о процессе познания своей

---

¹³ См. рус. пер.: Карл Барт, *Церковная догматика*. Т. 2, М.: ББИ, 2011, с. 489–590.

¹⁴ Эти тезисы о грехе являются кульминацией более ранних его рассуждений о грехе как гордыне в параграфе 60 «Церковной догматики».

превратности... Каждое нормативное понятие, сконструированное самим человеком, всякий раз будет являть его самого. Во власти человека осознать внутренний, относительный и поддающийся исцелению конфликт с самим собой, но никак не грех в его неизлечимой оппозиции к Богу, к ближнему и к самому себе» (CD IV/2, 379; с. 5). Барт утверждает: если человек оценивает себя на основании нормативного понятия, даже если речь идет о понятии Бога и Его откровения, это все равно будет делом человека и потому отражением его самого. В такой системе координат человек не способен увидеть свое заблуждение как уничтожение мира с Богом, ближним и самим собой, и потому как прямой путь к вечной гибели (CD IV/2, 380; с. 6).

Барт столь непреклонен в своем решении не рассматривать учения абстрактно и изолированно, что даже учение о Святом Духе излагается у него как неотъемлемая составляющая учения о примирении. В этот том Барта включен текст о Святом Духе и посланничестве христианской общины, который позволит читателю вновь убедиться, что Барт отказывается рассматривать учения отдельно от христологии. Учение о Святом Духе, по Барту, необходимо понимать как учение о силе Иисуса Христа, как субъективное осуществление примирения, которое находит конкретное выражение прежде всего в общине и только потом — в жизни отдельного человека¹⁵. Рассуждая о церкви, Барт утверждает, что ее надлежит рассматривать и понимать в связи с ее «Главой», Иисусом Христом. Церковь как Его тело есть Его земная и историческая форма бытия, и этот тезис следует отличать от утверждения о том, что церковь представляет собой продолжение вочеловечения, утверждения, которое Барт отвергает. Барт настаивает на том, что, поскольку Глава церкви — одновременно Глава всего рода человеческого, абсолютизировать церковь нельзя. Учитывая это, традиционный

---

¹⁵ Более обстоятельно Барт говорит о Святом Духе в томе 4 «Церковной догматики» (см.: § 62, 63 CD IV / 1 и § 73 CD IV / 3). Параграф 73 войдет в пятый том русского издания ЦД.

тезис о том, что вне церкви нет спасения, должен уступить место тезису «вне Христа нет спасения»¹⁶.

Данный том вызовет особый интерес у читателя потому, что перед ним откроется мастерство Барта в изложении библейских текстов и в истолковании и иллюстрировании ими христианского учения. Всякому, кто прочитает [в параграфе 65] Бартово изложение истории о лазутчиках, посланных Моисеем обозреть Землю обетованную, ознакомится с его тонкой экзегезой рассказов о Давиде и Вирсавии, о Давиде, Навале и Авигее, и повествованием об Амосе и его обращении к Израилю (все эти тексты пересказаны с тем, чтобы вскрыть сущность греха как косности), станет ясно, что Барт — непревзойденный богослов-толкователь библейских повествований.

В этот том вошел также раздел «Ложь и проклятие человека», и в нем дана яркая картина сущности греха на примере четырех содержательных текстов об Иове и его друзьях, которых Барт противопоставляет Свидетелю Истинному, Иисусу Христу. В противоположность Христу, Свидетелю Истинному, Барт показывает человека грешного как того, кто виновен во лжи, и этот вердикт ведет к его осуждению. Барт твердо держится убеждения, что познание греха как преступления следует искать в Иисусе Христе. «Оно открывается лишь, когда познав бытие и деяния Иисуса Христа как Посредника Завета милости, оглядываешься назад. Только будучи опровергнутым Им, преодоленным, устраненным, грех становится постижим в своей сущности, в своей реальности, в своих импликациях и последствиях» (CD IV/3, 369; с. 201). Поскольку учение о грехе есть неотъемлемая часть учения о примирении, оно не может быть выведено из абстрактных норм, касающихся сущности справедливого, доброго и святого. Сам по себе человек никогда не считал бы себя преступником. Препираясь и изре-

---

¹⁶ Барт отсылает читателя к беседе со своим другом Рихардом Имбергом (Richard Imberg): «Этому проповеднику всеобщего спасения я как-то сказал: я не верю во всеобщее спасение, но верю в Иисуса Христа, Примирителя всех людей» (Busch: 1976, p. 394).

кая ложь, человек пытается избежать признания истины, что Бог есть. Только в познании Иисуса Христа как Свидетеля Истинного открывается подлинная сущность греха. «Грех – грех против милости Божьей – это, таким образом, л о ж ь, а равно высокомерие и косность» (CD IV/3, 372; с. 205)¹⁷.

¹⁷ Эберхард Буш, говоря о том, как Барт истолковывал грех, заостряет внимание на чудовищном преступлении, каковым было убийство шести миллионов евреев, и на том, что это преступление не породило осознание греха. «Барт разработал свое учение о грехе перед лицом ужасающего разрыва между тем, сколь невообразимо велики масштабы насилия, совершившегося в нашем столетии, и тем, насколько современное человечество лишено сознания вины. Гиммлер дал классическое определение этого разрыва, когда, упоминая об ужасах Холокоста, сказал: “Нас сделало сильными то, что, совершив все это, мы сохранили респектабельность”. Может возникнуть вопрос, а не связано ли то и другое, не является ли причиной таких масштабов зла в наше время то, что была такая скудость познания греха? Как бы то ни было, понятию греха в наше время грозит серьезное обесценивание» (Eberhard Busch, *The Great Passion: An Introduction to Karl Barth's Theology*. Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans Publishing Company, 2010. Kindle edition, Loc 2998.). По убеждению Буша, исчезновение сознания греховности, которым сопровождается умножение человеческого зла, у Барта стало главной темой в его учении о грехе. «По Барту, оскудение познания греха сопутствует оскудению богопознания» (Ibid., Loc 3019.). И в этом ослаблении сознания греховности огромную роль сыграло современное богословие. Здесь можно упрекнуть даже Реформацию. То, что Реформации не удалось достаточно глубоко разъяснить значение Христова искупления для нас, породило ущербное представление о примирении. «Что это за примирение, если на нем лежит тень подозрения в том, что оно было только “на словах”, совершилось только как “как если бы”, потому что “одновременно” оно дает основание грешнику продолжать жить в грехе? Ибо в нем грех и благодать были включены в единую духовную реальность, они уже рассматривались не как противоречащие и противодействующие друг другу начала, а как вполне совместимые» (Ibid., Loc 3049, IV/1, 377–378 в изложении Буша). «Теперь грех мог видаться как нечто несовершенное и имманентное человеку, а благодать – как импульс к улучшению, также рождающийся в человеке... Тут уж не так далеко было до мысли, что даже в своей негативности грех может рассматриваться как нечто положительное и даже необходимое в движении к лучшему» (Ibid., Loc 3054). С XVII столетия богословие играло важнейшую роль в процессе исчезновения сознания греховности, которое мы в полной

Барт дает тройкую характеристику Иисусу Христу, Свидетелю Истинному: (1) как тому, кто пребывает в особых отношениях с Богом (CD IV/3, 379f; с. 218 сл.), (2) как страдальцу, который примиряет человека с Богом в своих крестных муках и который торжествует в своих страданиях, верно свидетельствуя о том, что сам Бог страдает с нами в нем (CD IV/3, 389f; с. 235 сл.), (3) как тому, кто изрекает слово истины (CD IV/3, 408f; 266 сл.). Исходя из этого, Барт основательно рассматривает сущность лжи и ее уничтожение Иисусом Христом, Свидетелем Истинным.

Как говорит Иисус Христос? «Иисус Христос, несомненно, г о в о р и т. Несомненно, Он говорит в обетовании Духа именно как Распятый. Несомненно, будучи таковым, Он не просто нечто бормочет или шепчет, но говорит сквозь столетия так, что и сегодня среди нас мы слышим Его голос “как шум вод многих” (Откр 1:15). Несомненно, Он говорит настолько ясно и властно, что вся мирская болтовня — как христианская, так и нехристианская — превращается в затухающий шумок, стоит лишь прозвучать Его слову. Несомненно, что всякий, кто услышит Его даже издалека, будет задавать всем изумленный вопрос: неужели же вы Его не слышите? Он будет восклицать: Слушайте, слушайте Его голос! Разумеется, звучание Его Слова наполняло бы небеса и землю, даже если не существовало бы ни одного уха, способного услышать его» (CD IV/3, 409; с. 268).

Что же есть ложь, изболоченная Иисусом Христом, Свидетелем Истинным? Чего боится человек, когда его встречает Иисус Христос? «Какова та угнетающая и болезненная составляющая истины, которой он хотел бы избежать и которой

мере наблюдаем в настоящее время. Барт всячески подчеркивает этот момент, поскольку в нем видит решительное противоречие своему богословию примирения. Если грех так безобиден, то зачем же нужно божественное примирение? Проведенная Бартом реабилитация учения о грехе в разделе, посвященном косности и бедственному состоянию человека, является огромным вкладом в богословие и представляет собой верную трактовку миссии церкви и ее вести о примирении.